

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
**Илья Репин (к
годовщине дня смерти)**

«Public Domain»

1931

Куприн А. И.

Илья Репин (к годовщине дня смерти) / А. И. Куприн — «Public Domain», 1931

«Чтобы почувствовать и понять все величие океана, надо видеть его не с плоского берега, а в открытом пространстве, когда вокруг нет ничего, кроме синей могучей стихии, всегда живой, всегда в движении...»

Александр Иванович Куприн Илья Репин (к годовщине со дня смерти)

Чтобы почувствовать и понять все величие океана, надо видеть его не с плоского берега, а в открытом пространстве, когда вокруг нет ничего, кроме синей могучей стихии, всегда живой, всегда в движении.

Подобно этому измеряется и чудесная власть человеческого гения. Нельзя о ней судить по ничтожным воспоминаниям современников, по близоруким отзывам невежественных критиков, по пристрастным и часто глупым рассказам друзей, по успехам и неудачам у крикливой толпы. Все это – прибрежный мусор и грязная пена. Судья великому человеку – только время, безупречное в своих приговорах.

Более чем половину столетия Репин был славой России и гордостью живописного искусства. Еще до сих пор мы, в изгнании и в рассеянии сущие, говоря о нашем незабвенном прекрасном доме, упоминаем со вздохом и во множественных числах: «Да. У нас были Пушкины, Толстые, Репины, Глинки, Чайковские. Какое богатство! Весь мир произносит их имена с благоговением!»

Относительно всего мира сказано, конечно, слишком широко. Но теперь уже можно со спокойной уверенностью сказать, что имя и творчество Репина переживут столетия, и сам Репин останется великим, непревосходимым учителем до той поры, до которой живут полотно и краски.

Лев Толстой высказал однажды по поводу литературного творчества тираду, изумительную как по простоте, так и по глубине:

– Чтобы хорошо писать, надо, во-первых, уметь писать, во-вторых, знать то, о чем пишешь, и, в-третьих, знать, для чего пишешь.

Эти условия, если прибавить к ним еще простоту и правдивость, всегда требуемые Толстым, надо приложить к каждому искусству, и Репин никогда не переставал им следовать благодаря тонкому инстинкту.

Подобно Толстому, он в своих картинах избегал придумывания и фантазии и брал для своих персонажей живых, знакомых людей. Так, позировали ему для больших холстов Иероним Ясинский, Гаршин, художник Кравченко, профессора Рубец и Эварницкий, Мамин-Сибиряк и другие.

Но брал Репин у них лишь нужную ему внешнюю оболочку: характерное лицо, подходящую фигуру, гомерический смех и выразительную улыбку, меланхолическую задумчивость, черты гнева и веселья, создавая из них то царевича, смертельно раненного Иоанном Грозным, то палача, остановленного Николаем-угодником за момент перед роковым ударом, то дюжего протодиакона в крестном ходе, то дуэлянтов с секундантами и врачом в офицерском поединке, то этих гоголевских запорожцев, с буйным весельем смакующих каждое соленое и проперченное словцо в своем коллективном послании турецкому султану. Очень жаль, что нельзя привести в моей короткой статье подлинного текста этого лапидарного ответа: его не выдержат ни бумага, ни добрые нравы наборщиков. А между тем в нем скрыт ключ к простому и правдивому пониманию всей огромной картины великого художника. Ведь недаром же он был родом из Чугуева, и запоржская бурливая кровь была ему сродни.

Он написал за свою долгую жизнь много портретов. Часть из них хранилась у собственников, и теперешняя судьба их неизвестна. Другая часть – достояние государственных музеев и галерей.

Нельзя сказать, что у Репина ценнее и прекраснее: его картины или портреты? И вряд ли этот вопрос имеет большое значение. Но почему-то давно установилось общественное мне-

ние, что именно человеческий портрет является для художника высшей мерой творчества и наивысшим достижением в художественном искусстве.

О портретах Репина нельзя говорить. Их надо видеть. Очаровательное и поражающее их сходство с натурой, так же как и точное и полное мастерство в работе – не суть преобладающие достоинства репинских портретов. Главное их великолепие и отличие заключаются в том, что Репин умел взглянуть внутрь человека, в глубину его души и характера, и понять их, и неведомой силой запечатлеть их на холсте для почти бесконечной жизни.

Художник Серов, в юности ученик Репина, разговаривая как-то с величайшим из карикатуристов П. Е. Щербовым, высказал такую мысль:

– А ведь если подумать хорошенько, то все мы, пишущие портреты с людей, – отчасти карикатуристы. Ведь когда пишешь с искренним увлечением, то невольно замечаешь и воспроизводишь на полотне преобладающие пороки и достоинства моделей.

Но в том-то и дело, что по душевному своему строению Серов склонен был видеть яснее минусы человека, а Репин, с его благодушным приятием жизни, охотнее видел добро.

Одним из лучших его шедевров был, конечно, «Государственный совет» – картина изумительная по великому количеству фигур, по блестящей композиции и по вдохновенности работы. Теперь можно думать, что, работая над «Государственным советом», Репин с восторгом и горестью трудился над собственным надгробным памятником и над памятником былой великодержавной России.

Он совсем немного получил за этот гигантский труд: что-то около сорока тысяч рублей. Его хороший знакомый Б. А. Г. предлагал ему двойную цену за повторение этой чудесной картины для Ростовского музея.

– Я бы с удовольствием сделал и для вас, и цена неплохая, – сказал Репин, – но я чувствую, что «Совета» я уже больше не могу... Не в моих силах.

Дай какой художник в мире мог бы это сделать?